

Г. И. Макарова

Конструируя национально-гражданские идентичности: этнокультурные политики федерального центра и регионов России (на примере Республики Татарстан) в 1990–2000-е годы

Этнокультурная сложность России, ее территориальная протяженность и многосоставность в плане административно-территориального деления ведут к тому, что проблемы социальной интеграции постоянно находятся в центре внимания российского государства.

Цель статьи — раскрыть интенциональность этнокультурных политик¹ федерального центра и республик РФ (на примере Республики Татарстан; далее — РТ) в 1990-е — первое десятилетие 2000-х годов, их направленность на формирование национально-гражданских — российской и региональных — идентичностей. Важно также выяснить, чем она была обусловлена, какие цели преследовали центральные и региональные власти и какие проблемы одновременно решали. Выбор кейса Татарстана² связан с тем, что он дает очевидный образец построения этнонациональных проектов, на который во многом ориентировались элиты других республик страны.

Статья строится на базе осуществленного автором традиционного анализа документов — законов, государственных программ, концепций, принятых в РФ и в РТ и связанных с культурой, языками и этнонациональным развитием³. Чтобы обозначить, в какой мере властные стратегии удалась в действительности, в ней представлены отдельные данные массовых социологических опросов, проведенных в регионе в изучаемый период.

Рассмотрим, прежде всего, политику федеральных властей 1990-х годов. Чтобы понять ее смысл, важно вспомнить контекст, в котором она осуществлялась. Это было время распада Советского Союза, «парада суверенитетов» бывших автономных респу-

Макарова
Гузель Ильясовна,
доктор
социологических наук,
старший научный
сотрудник,
Институт истории
им. Ш. Марджани
Академии Наук
Республики Татарстан
(Казань)

блик РСФСР, а позже — «крайнего напряжения межнациональных отношений на Северном Кавказе», «кризисного состояния экономики и «социально-политических противоречий в обществе»⁴. В этих условиях главной задачей, стоявшей перед руководством страны, особенно в начале указанного периода, являлось сохранение ее целостности (недопущение дальнейшей сецессии) и поддержание социального мира. В связи с этим власти были вынуждены проводить тактику ответа на конкретную социально-политическую ситуацию и на инициативы региональных элит⁵, от которых шло стремление к укреплению относительной независимости соответствующих территорий и к утверждению на федеральном уровне политики признания и поддержки этнокультурного многообразия.

Как это сказалось на содержании принимаемых в РФ официальных документов?

«Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 г. (№ 3612-1) закрепили разделение компетенций в соответствующей сфере между федеральными и региональными органами государственной власти и управления. Отныне, согласно ст. 39 Основ, республики РФ получили право на определение своей культурной политики и на принятие своих законодательств о культуре, ряд других полномочий, в том числе право самостоятельно разрабатывать территориальные программы сохранения и развития культуры, формировать территориальные органы управления культурной деятельности, вступать в самостоятельные отношения с другими государственными или международными организациями по вопросам культурного развития. А это уже само по себе способствовало актуализации у населения чувства принадлежности к локальному сообществу. В свою очередь, местные власти использовали вновь открывшиеся возможности во многом именно в этом направлении.

Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. и Закон «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г. (№ 74-ФЗ) заложили основы «мультиэтнической модели нашего общества»⁶, реализуемой в двух формах: этнотерриториальных автономий (что способствовало укреплению этнических основ территориальных идентичностей) и национально-культурной автономии. Единственным носителем суверенитета России был признан, согласно основному закону страны, многонациональный народ (ст. 3), то есть все этнические группы были провозглашены в нем государствообразующими. В свою очередь Концепция государственной национальной политики РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. (№ 909), фактически закрепляла за государством ответственность за «выживание» этносов, этнических меньшинств и их культур. В ней было прописано, что, помимо распространения идей духовного единства и дружбы народов, государство обязано содействовать сохранению их исторического наследия, развитию традиций и самобытности, языков всех народов России, совершенствованию «национальной общеобразовательной школы как инструмента сохранения культуры и языка каждого народа...» (раздел III).

Все обозначенное выше вело к воспроизведению множественности языково-культурных и усилению региональных общностей. Важность же формирования единой идентичности

россиян отмечалась тогда лишь в отдельных пунктах Концепции (раздел III), имелись также единичные положения «об объединяющей роли русского народа» (раздел I), о значимости его национального самочувствия как государствообразующего (раздел VI). Среди других шагов, осуществляемых федеральным центром в этом направлении, назовем принятый уже в конце 1990-х годов Закон «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» (от 24 мая 1999 г., № 99-ФЗ). Демонстрируя заботу государства о своих гражданах и соотечественниках, проживающих за пределами России, он должен был одновременно вести к укреплению чувства защищенности и сплочению россиян внутри страны.

Основы федеральной языковой политики заложены Законом «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 г. (№ 1807-1), в котором прописано право граждан на получение основного общего образования на родном языке (ст. 9, п. 2) — то есть опять-таки идет поддержка этноязыкового многообразия. Кроме того, в законе закреплено право республик России устанавливать свои государственные языки и названы те сферы, в которых они могут быть использованы, что, в конечном счете, вело к укреплению новых региональных национально-гражданских сообществ (названные положения нашли закрепление в Конституции РФ). Наконец, законом РФ «Об образовании» от 10 июля 1992 г. (№ 3266-1), помимо принципа «единства федерального культурного и образовательного пространства», в качестве основополагающего был закреплен принцип «Защиты и развития системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства» (ст. 2). При этом за субъектами федерации признавалось право (позже отмененное) на «установление национально-региональных компонентов государственных образовательных стандартов» (ст. 29, п. 8), что опять-таки свидетельствовало об институционализации региональных языково-культурных различий, в конечном счете, способствовавшей их воспроизведению.

В тот же период (1990-е годы) республики РФ вступают с федеральными властями в конкурентную борьбу по формированию идентичностей. Воспользовавшись их слабостью и «ставшей одно время очевидной неспособностью Центра своевременно решать надвигающиеся проблемы»⁷, ведущие агенты регионального уровня политической иерархии добиваются той или иной степени самостоятельности вверенных им территорий в экономическом, политическом и социокультурном плане, в частности, закрепленной Татарстаном подписанием 15 февраля 1994 г. отдельного Договора с РФ «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан».

В целях закрепления особого статуса республики и связанных с ним преимуществ, ее утверждения в качестве относительно суверенного государственного образования, а также легитимации собственной власти, местные политические элиты начинают проводить политику поддержания высокого уровня этнического самосознания татар и конструирования новой

татарстанской идентичности. Последнюю они также пытались поначалу выстроить на базе этнической татарской, поскольку выступали тогда в тесном тандеме с элитами титульной группы, и опорой их власти были, в первую очередь, этнически ориентированные татары⁸. В связи с этим в принятой 30 августа 1990 г. «Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР» было прописано двойственное по сути положение о «реализации неотъемлемого права татарской нации, всего народа республики на самоопределение»⁹. И хотя уже в Конституции РТ, принятой 6 ноября 1992 г. (№ 1665-ХII), было зафиксировано, что Татарстан «выражает волю и интересы многонационального народа республики» (ст. 1), приоритет развитию здесь татарского языка и культуры продолжал на протяжении 1990-х годов сохраняться.

Законом «О языках народов Республики Татарстан» от 8 июля 1992 г. (№1560–ХII) татарский язык был закреплен, наряду с русским, в качестве государственного языка республики. В нем была прописана возможность равноправного использования данных языков в работе высших органов государственной власти и управления РТ, в деятельности государственных органов, предприятий, учреждений и организаций, а также закреплено положение о том, что «Татарский и русский языки как государственные языки Республики Татарстан изучаются в детских дошкольных учреждениях, образовательных школах, средних и средних специальных учебных заведениях в равных объемах» (п. 2 ст. 10). Принятием данного закона руководство региона: во-первых, содействовало сохранению и развитию татарского языка, повышению его положения в обществе, и, соответственно, усилению у татар позитивного образа собственной этнической группы; во-вторых, закрепляло государственный статус республики, который уже сам по себе предполагал формирование здесь особой национально-гражданской общности.

Закон РТ «Об образовании» от 19 октября 1993 г. (№ 1982) не только в очередной раз утвердил свободу «выбора языка обучения» (ст. 4, п. 8), но и содержал статью, которая была специально посвящена татарскому национальному просвещению (прежде всего, развитию татарских школ и гимназий). В ней прописывалось, что деятельность национально-образовательных учреждений «направлена на возрождение национального самосознания личности, исходя из приоритета общечеловеческих ценностей», и что обучение и воспитание в таких учреждениях проводятся «на основе Концепции развития татарского национального просвещения» (ст. 5). В свою очередь, статья 7 Закона гласила: «В Республике Татарстан устанавливаются государственные образовательные стандарты, определяющие в числе прочих базовые требования к каждой ступени обучения и воспитания в общеобразовательных учреждениях...»¹⁰. В соответствии с этим был разработан региональный компонент в системе школьного образования. В частности, с 1993 г. во всех школах РТ стал изучаться предмет «История татарского народа и Татарстана». В статье же 6 (п. 2) Закона в очередной раз закреплялось изучение татарского и русского языков в общеобразовательных учреждениях и учреждениях среднего профессионального образования республики в равных объемах. Тем самым данный закон также показателен в плане раскрытия стратегии

местных властей по укреплению этнической татарской и формированию региональной татарстанской солидарностей.

Утвердить новую идентичность татар и подчеркнуть культурные основания их отличия от русских¹¹ был призван Закон РТ «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики» от 15 сентября 1999 г. (№ 2352), согласно которому татарский язык должен был постепенно переводиться с кириллицы на латиницу. На преимущественную поддержку татарской культуры была направлена система мероприятий, прописанных в «Республиканской программе развития культуры в Республике Татарстан на 1998-2001 гг.»¹² (хотя ее цель формулировалась как «содействие развитию культур народов Татарстана»). Наконец, в первую очередь к татарской истории и культуре отсылают нас государственные символы республики, утвержденные специальным законом «О государственных символах Республики Татарстан» от 14 июля 1999 г. (№ 2284)¹³.

И все же, стремясь заручиться поддержкой всего населения РТ, местное руководство постепенно начинает декларировать в политических текстах и дискурсах СМИ полиэтничность и поликультурность региона (и прежде всего паритетность развития здесь татарской и русской культур), провозглашая равенство прав всех проживающих на территории Татарстана граждан. Наряду с аргументом экономической целесообразности, это призвано было вовлечь в процессы становления новой региональной общности относящих себя к русским и другим этническим группам.

Первое десятилетие 2000-х годов характеризуется укреплением положения центра по отношению к регионам, которое стало возможным в результате произошедшего еще во второй половине 1990-х годов снижения активности этнополитических движений, достигнутой относительной стабилизации взаимоотношений руководства РФ с республиками, постепенного выхода России из глубокой экономической депрессии конца 1990-х годов. Усилия лидеров государства направляются в этот период на восстановление вертикали власти и, соответственно, укрепление собственных властных позиций, на мобилизацию идеологических мер для объединения многообразного социального и этнокультурного пространства. Задача формирования российской нации ставится в рамках политического дискурса и рассматривается учеными. На ее решение направляются конкретные «проекты интеграции», продвигаемые СМИ.

В этнонациональной политике обозначенная стратегия проявилась следующим образом. Во-первых, к субъектам РФ было выдвинуто требование о приведении их законодательств, в том числе в этнокультурной сфере, в соответствие с федеральным. Руководством страны также артикулируется необходимость четкого разграничения «федеральными законами... предметов ведения и полномочий между федеральным центром и региональным уровнем управления»¹⁴. Кроме того, обозначается стремление федеральных властей разграничить вопросы государственно-территориального деления России, самостоятельности субъектов федерации и этнокультурного развития, что обнаруживало стремление центра нейтрализовать источники

актуализации этничности, с одной стороны, и ослабить значимость региональных идентичностей (во-многом базировавшихся на идее поддержания этнокультур), с другой.

Во-вторых, осуществляется законодательное закрепление государственных символов России — принимаются законы «О государственном флаге РФ» от 25 декабря 2000 г. (№ 1-ФКЗ), «О государственном гербе РФ» от 25 декабря 2000 г. (№ 2-ФКЗ) и «О гимне РФ» от 25 декабря 2000 г. (№ 3-ФКЗ). Знаковым становится принятие нового федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 г. (№ 53-ФЗ), которым в качестве такового, а также основы формирования общероссийской идентичности, утверждается русский язык. Законом гарантируется его использование на всей территории страны, прописываются сферы обязательного применения (ст. 3), а также ответственность за принятие в РФ и в субъектах РФ законов и правовых актов, «направленных на ограничение использования русского языка как государственного языка Российской Федерации» (ст. 6). Желанием федеральных властей сохранить единое культурно-символическое пространство страны обусловлено и утверждение закона «О внесении дополнения в закон „О языках народов РФ“ от 11 декабря 2002 г. (№ 165-ФЗ), согласно которому «алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы».

В-третьих, смена акцентов в стратегии центра с многообразия на интеграцию проявилась в сфере образования. Так, принятый 1 декабря 2007 г. Закон РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» (№ 309-ФЗ) закрепил новое его понимание: теперь стандарт не делится на федеральный и региональный компоненты, а является единым федеральным государственным стандартом. Соответственно из Закона РФ «Об образовании» исключается пункт, касающийся установления субъектами РФ «региональных (национально-региональных) компонентов государственных образовательных стандартов» (ст. 29, п. 8 Закона РФ «Об образовании»). В качестве же одной из основных функций названных стандартов закрепляется обеспечение «единства образовательного пространства Российской Федерации» (ст. 7 п. 3 новой редакции Закона РФ «Об образовании»), что в определенной мере должно способствовать становлению общности взглядов и ценностей граждан страны.

В-четвертых, на протяжении первого десятилетия 2000-х годов осуществлялся постепенный отказ центра от «спонсирования» развития этнических языков и культур (исключение тогда составляли культуры коренных малочисленных народов) при сохранении признания культурно-языковых различий. К этому выводу привел, в частности, анализ федеральных программ развития культуры: «Культура России (2001–2005 гг.)», «Культура России (2006–2010 гг.)», по сравнению с программой «Развитие и сохранение культуры и искусства Российской Федерации», 1997–1999 гг.¹⁵ Одновременно все большее место в них отводилось принципам и действиям, направленным на консолидацию российского общества.

Тем не менее, утвержденной Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. (№ 1666) Стратегией государственной национальной политики РФ на период до 2025 г., в условиях уже налаженной вертикали власти и принятия регионами задач интеграции, руководство страны вновь продемонстрировало готовность поддерживать языково-культурное многообразие. При этом оно трактуется теперь как «общее достояние российской нации» и «фактор укрепления российской государственности» (раздел II, п. 12). Также закрепляется «разграничение предметов ведения и полномочий органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации... в сфере государственной национальной политики Российской Федерации» (раздел III, п. 19), что дает возможность для воспроизведения региональных культурных особенностей и, соответственно, идентичностей. В то же время, по сравнению с Концепцией государственной национальной политики РФ 1996 г., в Стратегии больший акцент делается на важности «изучения многовекового опыта взаимодействия народов России» (раздел III, п. 21), на «гармонизации межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений» (там же), на «развитии межнациональных (межэтнических) и межрегиональных культурных связей» (там же), то есть на утверждении единства в многообразии, в чем прослеживаются черты сходства с советским дискурсом вопросов этнокультурных различий, с политикой управляемого многообразия и формирования на этой основе единой национально-гражданской общности.

Вернемся, однако, к началу 2000-х годов и проанализируем, какими были тогда намерения и устремления властей республик и осуществляемая ими на деле политика. Последняя стала во многом политикой реагирования на предписания центра. При этом ряд изменений или тенденций изменения в его стратегии вызывал поначалу недовольство региональных элит. В частности, это касается вопроса о признании или непризнании этнического фактора в качестве основы федеративного устройства страны. Он является принципиальным для руководства республик, поскольку служит обоснованием их особого, по сравнению с другими субъектами федерации, статуса и связанных с этим преимуществ (в том числе, создавая основы для конструирования новых региональных солидарностей). В связи с этим в обсуждение данной проблемы и борьбу за сохранение названного фактора были включены региональные деятели науки, культуры, СМИ.

В то же время, учитывая складывавшееся не в пользу укрепления их статуса и позиций соотношение сил на политической арене страны, местные власти вынуждены постепенно начать выстраивать свою политику с учетом требований центра. В частности, в Татарстане были внесены изменения в отдельные законы РТ, а новые законы и редакции имели обязательные отсылки к соответствующим федеральным. Более четко, нежели в 1990-е годы, стало прописываться соотношение законодательств РФ и РТ о языке и культуре; уточнялись моменты, касающиеся взаимодействия центральных и региональных властей и органов управления в указанной сфере; исключались положения, противоречащие федеральному

законодательству. Все это в конечном счете способствовало росту у населения чувства принадлежности к российскому государству.

Руководство РТ, не без влияния политических лидеров страны, также начинает обращать больше внимания на русскую культуру, которой теперь отводится значительное место в программах культурного развития (что, к примеру, становится очевидным при сравнении целевой программы «Развитие культуры в РТ на 2004–2007 гг.» с программой «Развитие культуры в РТ на 1998–2001 гг.»). С 2003 г. на республиканском уровне проводится праздник русского фольклора «Каравон» (Постановление Кабинета Министров РТ от 20 мая 2003 г., № 274); активнее, чем в прошлые годы, празднуется Масленица; разрабатываются и реализуются целевые программы «Русский язык в Татарстане» на 2001–2005 гг., 2006–2010 гг., а также 2011–2015 гг. Это призвано было способствовать улучшению социального самочувствия и укреплению позитивной идентичности русских, формированию у них чувства принадлежности к региону. Тем не менее, названные действия не могли разрешить всех связанных с развитием русского языка и культуры в республике противоречий. В частности, лидеры русских общественных национально-культурных организаций артикулируют проблему недостаточного количества часов, отводимых на преподавание в русскоязычных школах РТ русского языка в связи с введением обязательного преподавания татарского.

Одновременно региональные власти стремятся всеми силами сохранить достижения предыдущего периода в плане развития в Татарстане татарского языка, культуры, национального образования. Так, Законом «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Татарстан “О языках народов Республики Татарстан”» от 28 июля 2004 г. (№ 44–ЗРТ) прописываются новые меры, направленные на расширение сфер функционирования татарского языка в обществе, подтверждается положение о том, что «Татарский и русский языки в общеобразовательных учреждениях и учреждениях начального и среднего профессионального образования изучаются в равных объемах» (ст. 9). Данное положение выступает как одно из основных для политических элит республики, поскольку служит подтверждением ее статуса как национально-государственного образования и, тем самым, способствует не только сохранению актуализированного самосознания татар, но и воспроизводству татарстанской идентичности.

Особое внимание продолжает в 2000-е годы уделяться татарской культуре, что видно из анализа программ культурного развития (например, «Целевой комплексной программы сохранения культурного наследия „Мирас — наследие“ на 2007–2009 гг.», принятой Постановлением Кабинета Министров РТ от 2 июля 2007 г., № 265 и др.). Наконец, татарская национальная школа остается в фокусе внимания региональных властей, хотя принятие Закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта», отменившего

возможность самостоятельного установления субъектами РФ региональных компонентов, осложнило положение дел в названной сфере.

В результате встречного действия обозначенных тенденций в Татарстане закрепляется лозунг паритетности развития татарской и русской культур. На его подтверждение, очевидно, направлен ряд конкретных мер: почти одновременное открытие отреставрированного Благовещенского Собора и вновь построенной мечети Кул Шариф в Казанском Кремле (Указ Президента РТ от 08 апреля 2005 г., № УП–125); следующие друг за другом решения о поддержке развития историко-архитектурных комплексов Свияжска (исторического оплота православия на территории Татарстана) и Болгар (города, основанного историческими предками татар) (Постановления Кабинета Министров РТ от 24 августа 2007 г., № 417 и от 24 октября 2007 г., № 590), объединенных в 2010 г. в проект «Культурное наследие Республики Татарстан: древний город Болгар и остров-град Свияжск» и др.

Названные усилия призваны укреплять региональную солидарность, которую продолжают продвигать местные элиты. Однако теперь, соблюдая субординацию, они представляют ее как составную часть общероссийской и как базирующуюся (особенно в последние годы) на политике многокультурности. Мультикультуралистские по сути принципы были прописаны еще в целях и задачах программы «Развитие культуры в Республике Татарстан на 2004–2007 гг.» и нашли свое закрепление в Концепции государственной национальной политики РТ, принятой на III съезде народов РТ (утверждена указом Президента РТ от 3 июля 2008 г., № УП–312). В последней на программном уровне закрепляются как характерные для политики признания этнокультурного многообразия положения, так и свойственные политике «обеспечения самобытности» задачи «содействия развитию национальных культур и языков, сохранению традиционного жизненного уклада, народных промыслов и ремесел, обычаев и обрядов», «бережного отношения к историческому наследию и национальному достоянию народов» (раздел II) и т. д.

Таким образом, динамику этнокультурных политик РФ и РТ в 1990–2000-е годы в аспекте их направленности на конструирование национально-гражданских общностей в самом общем плане можно представить следующим образом.

1. 1990-е годы характеризовались отсутствием на федеральном уровне целенаправленной и последовательной стратегии формирования идентичностей. Однако на деле, под воздействием региональных элит и процессов актуализации этничности, проводимая центром политика способствовала воспроизводству многообразия этнических и становлению новых региональных солидарностей. Интегративные компоненты были тогда разработаны слабо.

2. На волне децентрализации, провозглашения суверенитетов республик и в целях их укрепления языково-культурная стратегия региональных властных элит, вовлекших в политическое производство институты образования, культуры, СМИ, была этноориентированной,

---

направленной на актуализацию самосознания титульных этнических групп, и на конструирование (прежде всего, на основе их культуры) региональных национально-гражданских сообществ.

3. Первое десятилетие 2000-х годов — этап продвижения федеральными властями общероссийской идентичности посредством нового укрепления вертикали власти, акцентуации единства социокультурного пространства страны, консолидирующей роли русского языка и русской культуры, постепенного отказа от «спонсирования» этнокультурных различий при сохранении их признания. Однако в последние годы обозначился новый поворот к стратегии поддержки центром регулируемого (управляемого) многообразия при ведущем значении единства.

4. Местные политические элиты продолжают в этот период, хотя и с меньшей интенсивностью, проводить проекты «этнокультурного развития» титульных групп национальных республик, стремясь сохранить их актуализированное самосознание. Одновременно они начинают уделять большее внимание развитию русского языка и культуры с целью утверждения позитивной идентичности русских. Поддерживая региональную солидарность, республиканские власти теперь артикулируют ее как часть общероссийской.

В заключение же работы приведем некоторые данные социологических опросов населения Татарстана 1994, 2001 и 2010 гг.¹⁶ Они позволяют в самом общем плане показать, в какой мере проводимые политики и продвигаемые ими идеологические конструкты нашли отклик в массовом восприятии и сказались на процессах становления и развития национально-гражданских идентичностей.

Согласно исследованию 1994 г., у большинства татар (трех пятых горожан и четырех пятых сельчан) чувство принадлежности к региону в тот период доминировало. Еще почти для трети горожан и десятой части сельчан региональная идентичность являлась важной, наряду с государственной российской. Процент же «исключительно россиян» среди них был ничтожно мал. Что касается русских, то они разделились тогда на три группы. Треть горожан и сельчан региона ощущали себя россиянами и татарстанцами в равной мере, пятая часть горожан и четвертая часть сельчан чувствовали себя «больше татарстанцами». Однако более трети городских и пятая часть сельских русских РТ даже тогда, в условиях слабого центра, указывали на то, что они считают себя в первую очередь россиянами.

Столь большая (по сравнению с русскими) интенсивность отнесения себя татарами к своей республике во многом была связана с этнокультурной и этнонациональной стратегией региона, направленной в 1990-е годы на повышение статуса татар, татарского языка и культуры и на построение на этой основе новой татарстанской национально-гражданской общности.

**Таблица 1. Соотношение региональной и российской идентичностей (1994 г.), %
Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя больше чувствуете — татарстанцем или россиянином?»**

Варианты ответа	Татары (город)	Татары (село)	Русские (город)	Русские (село)
В равной мере татарстанцем и россиянином	31,8	11,2	35,3	36,9
Больше татарстанцем	58,8	83,7	19,0	29,2
Больше россиянином	2,7	0,9	36,1	20,0
Затрудняюсь ответить (и нет ответа)	6,7	4,2	9,6	13,9

Исследование 2001 г. показало, что в обстоятельствах начавших проявляться в стране тенденций централизации и идеологических усилий федеральной власти, в Татарстане обозначается постепенный поворот к повышению значимости общероссийской идентичности. Однако он происходит здесь в основном не за счет идентичности региональной, а наряду с ней. Так, доля идентифицирующих себя одновременно и с Россией, и с республикой, возрастает к этому периоду как у татар, так и у русских (у горожан на 10–11 %). Соответственно, часть населения региона, относящая себя исключительно к татарстанцам, снижается: среди татар-горожан на 17 %, сельчан — на 10 %, городских русских на 9 % и сельчан — на 20 %. Процент же «россиян» у русских остается примерно на том же уровне, а у татар-горожан возрастает с 3 % до десятой их части.

**Таблица 2. Соотношение региональной и российской идентичностей (2001 г.), %
Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя считаете?»**

Варианты ответа	Татары (город)	Татары (село)	Русские (город)	Русские (село)	Татары (в целом)	Русские (в целом)
Татарстанцем	42,2	74,3	10,4	9,1	53,3	10,3
Россиянином	9,3	1,8	37,0	24,2	6,7	35,9
И татарстанцем, и россиянином в равной мере	42,8	21,6	45,1	63,6	35,4	46,7
Кем-то другим	1,6	—	2,3	—	1,0	2,1
Затрудняюсь ответить	4,2	2,4	5,2	3,0	3,5	5,0

Тем самым уже в начале нового этапа развития этнонациональной политики число жителей республики, относящих себя к россиянам и татарстанцам, а также, отчасти, исключительно россиянам, начинает увеличиваться.

На протяжении первого десятилетия нового столетия действие обозначенной тенденции продолжается. Доля «татарстанцев и россиян в равной мере» возрастает к 2010 г. у татар более чем на четверть, у русских — на десятую часть. Так или иначе, относят себя к россиянам при ответе на названный вопрос уже 69 % татар. Одновременно среди русских абсолютное их большинство (95 %) указало, что считает себя россиянами либо «татарстанцами и россиянами в равной мере». Соответственно, доля «чисто татарстанцев» существенно снижается: у татар — с половины почти до четверти, у русских — с 10% до 3 %, количество же «только» россиян остается и у тех, и у других на прежнем уровне — 36 % русских и 7 % татар.

**Таблица 3. Соотношение региональной и российской идентичностей (2010 г.), %
Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя считаете?»**

Варианты ответа	Татары (город)	Татары (село)	Русские (город)	Русские (село)	Татары (в целом)	Русские (в целом)
Татарстанцем	22,5	41,2	1,9	7	28,9	2,6
Россиянином	8	3,6	38,2	22,8	6,5	36,1
И татарстанцем, и россиянином в равной мере	66,5	53,6	57,1	70,2	62,1	58,9

В 2000-е годы соотношение общероссийской и региональной идентичностей в Татарстане существенно меняется. Значимость первой под воздействием идеологических усилий государства, направленных на нациестроительство, возрастает. В то же время, отнесение себя к региональному сообществу в основном сохраняет свою значимость, что объясняется не только относительно активным социально-экономическим развитием республики, но и успешными действиями политических элит. Определенную роль в этом играет и этнокультурная политика РТ, в которой существенную часть татар продолжает привлекать поддержка татарского языка и культуры, определенную долю русских — провозглашение равенства татарской и русской культур в регионе. Это, по-видимому, также связано с изменившейся стратегией республики по формированию татарстанской солидарности, которая трактуется теперь как часть общероссийской. Именно благодаря такой смене акцентов в осуществляемой местными властями этнонациональной политике им

удается сохранить лояльность к себе населения и поддержать актуальность региональной идентичности.

---

¹ Опираясь на закрепившееся в самой социокультурной практике России и большинства стран Запада понимание этнокультурной политики, определим ее как декларируемую, официально закрепленную в законах, концепциях, программах форму влияния правящих элит (центральных и региональных) и связанных с ними социальных институтов на процессы этнокультурного развития и межкультурное (межэтническое) взаимодействие. Формируясь на пересечении культурной политики и этнополитики и будучи взаимосвязанной с национальной политикой, она выступает основой системных отношений этнических, национально-гражданских общностей и государства.

² Республика Татарстан расположена в центре Российской Федерации на Восточно-европейской равнине, в месте слияния рек Волги и Камы. Численность ее населения, по итогам переписи 2010 г., составила 3786,5 тыс. человек. Население республики полиэтнично: здесь проживают представители более 173 этнических групп, среди которых наиболее многочисленны — татары (53,2 %) и русские (39,7 %).

³ Исследование документов выполнялось в несколько этапов. На первом этапе производился первичный отбор законов, программ, концепций, который осуществлялся по их названию (или тематике). Причем отбирались, с одной стороны, все связанные с развитием культуры законы, программы и концепции, с другой стороны, документы, концентрирующиеся вокруг национальной и этнической политики РФ и РТ, межэтнических отношений. На втором этапе и среди тех, и среди других выделялись касающиеся собственно проблем этноязыков и этнокультур. На третьем же этапе проводился традиционный (содержательный) анализ отобранных документов. См.: Рабочая книга социолога / отв. ред. Г. В. Осипов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1983. С. 289.

⁴ См.: Зорин В. Ю. От национальной политики к этнокультурной // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 3. С. 130.

⁵ См.: Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 33–34; Зорин В. Ю. От национальной политики к этнокультурной. С. 126–130.

⁶ Зорин В. Ю. От национальной политики к этнокультурной. С. 129. — См. также: Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. С. 29.

⁷ Фарушкин М. Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации. — Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/elit/faruksin.php>. (дата обращения: 09.09.2013)

⁸ См.: Макарова Г. И. Идентичности татар и русских в контексте этнокультурных политик Российской Федерации и Республики Татарстан. Казань, 2010. С. 187–190.

⁹ Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. 1990–1993 гг. Казань, 1993. С. 4.

¹⁰ Здесь еще нет упоминания об общих для России образовательных стандартах, которое появится в новой редакции Закона от 2 июля 1997 г.

¹¹ См.: Сагитова Л. В. Этничность в современном Татарстане. Казань, 1998. С. 114.

¹² Утверждена постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 30 сентября 1998 г., № 586.

¹³ В качестве основы государственного герба РТ утвержден крылатый барс (ст. 1) — животное, издревле почитавшееся тюркскими народами. Рисунок на гербе помещается в обрамление из татарского народного (растительного) орнамента. Государственным же гимном Татарстана стало произведение татарского композитора, жившего в XX в. — Рустема Яхина (ст. 18).

¹⁴ Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 3 апреля 2001 г.

¹⁵ См.: Макарова Г. И. Этнокультурная политика федерального Центра и Республики Татарстан: стратегии интеграции. Казань, 2009. С. 170–173.

¹⁶ Исследование 1994 г. проводилось в рамках проекта «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации» под руководством Л. М. Дробижевой и охватило в РТ 1000 чел. (по выборке см.: Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В. и др. М., 1996. С. 3–10). Анкетирование 2001 и 2010 гг. осуществлялось под руководством автора. Первый опрос охватил 1000 человек (после выбраковки оставалось 957 анкет), второй — 1003 человека (по выборке см.: Макарова Г. И. Идентичности татар и русских... С. 9–10).

Makarova G. I. Constructing National and Civil Identity: Federal and Regional Ethno-Cultural Policy in Russia (on the Example of the Republic of Tatarstan) in 1990–2000s

ABSTRACT: The years 1990–2000s marked a period of redefinition and reconstruction of the national-civil communities in Russia. This article reveals the intent of the federal and regional ethno-cultural policies (on the example of the Republic of Tatarstan) and their focus on the formation of Russian and regional identities. What was the reason for these policies? What was the motivation of federal and regional authorities, and what problems did they solved at that time? The article includes analysis of official documents, the context of their adoption and implementation of these issues.

KEYWORDS: Russian national-civil identity, regional identity, ethno cultural policy, ethno cultural variety, social integration.

AUTHOR: Doctor of Sociology, Senior Researcher, History Institute of Tatarstan Sciences Academy (Kazan); makarova_guzel@mail.ru

REFERENCES:

¹ Zorin V. Iu. Ot natsionalnoi politiki k etnokulturnoi // Zhurnal sotciologii i sotcialnoi antropologii. 2003. N 3.

² Drobizheva L. M. Sotcialnye problemy mezhnatsionalnykh otnoshenii v postsovetskoii Rossii. Moscow, 2003.

³ <http://www.politnauka.org/library/elit/farukshin.php>

⁴ *Makarova G. I. Identichnosti tatar i russkikh v kontekste etnokulturnykh politik Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Tatarstan.* Kazan, 2010.

⁵ *Belaia kniga Tatarstana. Put k suverenitetu. 1990–1993 gg.* Kazan, 1993.

⁶ *Sagitova L. V. Etnichnost v sovremennom Tatarstane.* Kazan, 1998.

⁷ *Makarova G. I. Etnokulturnaia politika federalnogo Tsentra i Respubliki Tatarstan: strategii integratsii.* Kazan, 2009.

⁸ *Demokratizatsiia i obrazy natsionalizma v Rossiiskoi Federatsii 90-kh godov / Drobizheva L. M., Aklaev A. R., Koroteeva V. V. i dr.* Moscow, 1996.